

ПАМЯТЬ

С годами память рассеивается и пропадает. С сознанием что-то происходит. Однажды ты осознаешь, что людей, заставших реальность твоего детства и юности, осталось совсем мало. А память, которая теряет близкие события и реалии окружающего мира, возвращает тебя к воспоминаниям давным-давно ушедших лет.

Вот я иду из школы и вижу на заборах небольшие листочки с коротким печатным текстом, под которым стоит множество подписей. Это бюллетени о состоянии Вождя. Эти бюллетени печатали несколько дней. А потом появился последний. Он был в черной рамке. Эти же бюллетени передавались по радио. В конце шел список авторов текста. Он начинался с министра здравоохранения СССР, дальше шли профессора и академики, а последним в списке был доцент Иванов-Незнамов. С тех пор прошло 68 лет, но фамилия этого доцента осталась в моем сознании, видимо, навсегда. Гораздо позже, в сериале «Семнадцать мгновений весны» я услышал о психологическом «эффekte края». Суть его в том, что человек запоминает начало или конец сообщения, которое попало ему или прозвучало однажды. «Дыхание Чейн-Стокса» вошло в мое сознание гораздо позже, когда об этом заговорили как о сигнале близкого конца, который был понятен профессионалам. Со Сталиным связано и еще одно воспоминание. Я иду из школы и задаю себе вопрос: почему у меня такое плохое настроение? Двоек за последние дни не получал, родителей в школу не вызывали. Ах да, умер Сталин.

Любопытно, что собственные мысли в детстве запоминаются накрепко. Вот один эпизод. Лето после шестого класса, я живу на даче. А наша дача стояла рядом с дачей моего дяди Гриши. У нас в заборе между участками было что-то вроде калитки. Мы могли легко ходить друг к другу. В ту пору издавались многотомные собрания сочинений. И дядя Гриша подписался на Марка Твена. Этот Марк Твен стоял у него в гостиной на полке. В то время я запоем читал. Марк Твен — детский писатель, и к тому времени я уже узнал, что в предисловии к книге или собранию сочинений бывает много интересного и об эпохе, и о писателе. Одним словом, приохотился я читать предисловия. Читаю: годы жизни писателя. Рождения не помню, а смерти — 1910-й. Моя мысль: до революции 1917 года не дожил, но революцию 1905-го застал. Я был нормальный советский мальчик второй половины 50-х. В нашем сознании ВОСР соответствовала Воскресению Христову. Это — эпохальное событие, с которого начинается Новая Эра.

Жил я в ту пору на улице Большая Якиманка, в здании, которое стояло на месте нынешнего французского посольства. Когда сообщили, что Он умер, и объявили о про-

---

Игорь Григорьевич Яковенко родился в Винницкой области Украинской ССР. Окончил Московский лесотехнический институт (1969) и аспирантуру Института философии АН СССР (1982). Российский культуролог и философ. Доктор философских наук, член бюро научного совета РАН «История мировой культуры». Профессор РГГУ. Автор 260 публикаций, в том числе одиннадцати монографий, среди которых книга «Российское государство. Национальные интересы, границы, перспективы» (2008). «Познание России: цивилизационный анализ» (2012) и «Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение» (2014). Соавтор книги «История России: конец или новое начало?» (2005). Лауреат премии журнала «Нева». Живет в Москве.

щании с телом вождя, по нашей улице в сторону центра пошли люди. Машин не было, одни люди по проезжей части. Мать взяла меня за руку, и мы довольно быстрым шагом пошли туда же. По дороге нас обгоняли молодые люди, одетые в какие-то черные ватники или что-то вроде того. По мере приближения к центру толпа нарастала. Когда мы подошли к «Ударнику» (и, соответственно, к Дому на набережной), мать резко развернулась, и мы пошли назад. Много позже я узнал о тех, кого раздавили в толпе, о перевернутых машинах. Так что интуиция и здравый смысл не подвели мою маму. Что-то отдаленно похожее, в смысле реакции пожилых людей, можно вспомнить в день, когда объявили о смерти Брежнева. Брежнев правил 18 лет. Старики переживали это как катастрофу. Смерть традиционного Правителя — особо опасное время.

А потом через год появился мой дед. Это был седой, очень старый человек. Я стоял перед ним, а он смотрел на меня и плакал. Мама стояла рядом с ним и говорила: «Ну вот, папа, вы увидели и плачете». Это был конец 1954 года. Дед отсидел свой червонец и вернулся. Я про него ничего не слышал: при мне старшие об этом не говорили. Дед был смертельно болен. Он прожил с нами два года (жил с бабушкой и тетей на даче) и умер.

Где-то после шестого класса мы переехали на Маросейку (в ту пору она была улицей Богдана Хмельницкого). Это уже центр, в пределах Бульварного кольца. В двух шагах от моего дома располагалась детская библиотека, где среди прочего попадались дореволюционные книги. Старые книги были и в моей семейной библиотеке, но в казенном массовом учреждении это было редкостью. Учился я плохо. А район был интересный. Здесь в глаза бросались приметы прошлого. В соседнем магазине стояла большая кассовая машина. Над окошками, в которых появлялась сумма покупки, красовалась надпись РУБЬ и КОП. В доме на Маросейке, напротив нашего, на входе в воротца двора обращала на себя внимание вырубленная в камне надпись «Свободень от постоя». Это район примечателен массой переулков, старых домов, дворишков. Я уже подрос и с удовольствием гулял в этом массиве, доходя до Неглинной улицы и Красной площади.

Дальше цепь событий распадается. Я вспоминаю какой-то эпизод. Представляю примерно, когда это произошло, и только. Вот, например: в нашей семье на Пасху пекли куличи. Это была традиция, и она соблюдалась. Как-то, мне было лет восемнадцать-девятнадцать, спросил у бабушки: а как пекли куличи до революции? Она ответила кратко: «Очень просто. Куличи пекли на пятидесяти или на ста желтках». Я с ужасом спросил: «А куда девали белки?» — «Выливали». Молодые люди могут не понять. Для того чтобы понять мой ужас, надо потолкаться в очередях. Услышать диктуемый очередью принцип: «Больше десяти в одни руки не давать». Вспомнить об общем дефиците всего, и прежде всего продуктов питания. Выливать десятки белков. Это происходило на другой планете. Мои старики были из «бывших». Внизу иерархии, но тем не менее.

А вот эпизод с помянутой мною Красной площадью. Шел XXII съезд КПСС. Это был октябрь 1961 года. В день, когда объявили о выносе тела Сталина из Мавзолея, поздно вечером я пошел к Красной площади, которая была не так далеко от моего дома. Площадь была перекрыта. По ней с частотой раз в десять минут проезжало какое-то подразделение десантников. Якобы готовились к параду. Как я понял, страховались на всякий случай. А на углах улицы Ильинки, выходящей на площадь, толпились небольшие группы кавказцев. В это время подъемный кран снимал с Мавзолея плиту с наименованием «Ленин Сталин». Так что иногда история вершится на наших глазах.

Еще один забавный эпизод. Теплое время года. Вторая половина дня, суббота или воскресенье. Я сажусь на троллейбус, который довезет меня до улицы Горького. Там в одном из переулков живет мой друг Толя Ромов. Одновременно со мною в троллей-

бус садится парень постарше меня, по виду мелкий служащий. Наша улица пустынна. Но когда мы проезжаем одну остановку, в троллейбус вваливается масса молодых людей. Все они — евреи. Для меня в этом нет ничего особенного. Неподалеку от меня в большом Спасоглинищевском переулке расположена Московская хоральная синагога. В ту пору этот переулок назывался улицей А. Е. Архипова.

Сегодня для евреев праздничный день. А поскольку Израиль недавно выиграл то ли шестидневную войну (1967), то ли войну Судного дня (1973), еврейская молодежь ликует и объединяется. (Тогда началось изучение иврита и подача документов на отъезд на историческую родину.) А где все они могут встретиться? Прежде всего — в синагоге. Что же касается парня, на которого я обратил внимание, то он не знал ни о Хоральной синагоге, ни о еврейском ренессансе. Скоро он осознает, что все севшие в троллейбус — евреи. Мало того, когда он глянул в окно, то увидел: по улице валом идут молодые евреи, евреи, евреи. Они все шли к станции метро «Дзержинская». В ту пору это была ближайшая станция метро. На лице молодого человека застыла гримаса ужаса.

Из общих соображений мы знаем, что в живом разговорном языке одни слова приходят, а другие исчезают. И через десяток-другой лет молодые люди не смогут ответить на вопрос: что это такое? Как-то (лет пятьдесят назад) я застал разговор отца со своим братом. Они оба были химиками-технологами и работали в близких организациях. Мой дядя упомянул какой-то проект, на что отец ответил: «Я в этой панаме не участвую». Я понял смысл высказывания. А запомнилось оно мне потому, что слово «панаме» в значении афера прозвучало единственный раз в моей жизни. Боюсь, что сегодня это значение данного слова утрачено.

Редко, раза два в году, отец ввечеру собирал своих коллег и устраивал игру в преферанс. Это были люди под или за пятьдесят. В данном ритуале примечательным были разговоры. Сначала звучала пара дежурных анекдотов, а потом начиналось: «лавулоза», «фруктоза», «сахароза», Чимкентский завод, Ингиюльский. Технологии, поставки, профессиональные характеристики местных специалистов. Эти люди были погружены в профессиональный мир, и ничего сверх того их не интересовало. Хотя сегодня я склонен полагать, что поколение коллег моего отца прошло страшную школу, которая задала жесткие рамки любого разговора в компании. Профессиональные проблемы — пожалуйста. А все остальное от лукавого.

И еще одна история. Отец родился в 1902 году на Украине. Во время Гражданской войны он, 16–17-летним мальчиком, входил в вооруженный отряд, охранявший соседнее еврейское местечко от погромов. И упомянул об этом при мне в каком-то разговоре с мамой всего один раз.

В моей жизни был всего один забавный сон. В ту пору я учился в институте на втором-третьем курсе. И вот снится мне, что я иду по переулку, который выходил к зданию моей школы, и встречаю парня из соседнего одиннадцатого класса. Он был выше меня ростом, звали его Андрей, фамилию не помню. Он меня спрашивает: «Слушай, я прочел в газете, что тебя приговорили к расстрелу и сегодня должны расстрелять». А я отвечаю: «Все правильно. Должны расстрелять в десять вечера, сейчас только восемь. Меня на час пустили погулять». Такие вот сны.

Школа моя находилась в Вузовском переулке. Особенность ее состояла в том, что тыльная сторона школы выходила во двор, в котором находится баптистская церковь. Из окна моего класса (на третьем этаже школы) я видел церковное окно, в котором красовалась заповедь «БОГ ЕСТЬ ЛЮБОВЬ». Эта была первая в мой жизни встреча с евангельскими христианами-баптистами.

В ту эпоху существовали какие-то воспоминания, какие-то следы прошлого. Кто-то из старших показывая мне дом на углу Вузовского переулка и Покровского бульвара, сказал: «Здесь в семнадцатом году находился штаб анархистов». Обычный, ни-

чем не примечательный одноэтажный домик с небольшим садиком перед окнами, выходящими на бульвар. Может быть, это правда, а может — легенда. Примечательно другое: в ту пору об этом помнили.

Из слов, которые ушли из языка, мне памятен «пергамент». Так называли особую белую бумагу, в которую в магазинах заворачивали икру. Полиэтиленовых пакетов тогда не было. Женщины носили с собой авоську, которая занимала ничтожно мало места, но в нее можно было засунуть массу всего. Авоськи исчезли, пергамент тоже. Сейчас пергаментом называют специальную бумагу для выпечки, которая продается.

В школьные годы летом меня увозили на дачу. Рядом был лес, живая природа. Ребята из соседних домов составляли компанию. Я люблю природу и часами мог гулять по лесу. Старшие женщины, разумеется, беспокоились. Но когда я стал брать с собой на прогулку собаку, они утихли. Рядом с дачниками жили дети местных жителей. Любопытно, что «местные» дачников недолюбливали.

Мои старшие привлекали меня к труду на участке. Вскопать, убрать и так далее. То, что мне поручали, я делал, но безо всякого энтузиазма. А вот старшие: отец, мать, тетушки, бабушка — работали все время. Дом был зимний, там постоянно жили. Было хозяйство, куры. Работа всегда найдется. Меня с детства и до зрелых лет называли лентяем и корили за это. Я делал постное лицо и отрабатывал роль воспитуемого. Однако с годами произошла закономерная вещь. Образ постоянно работающих близких вошел в мое сознание и отложился где-то в спинном мозгу. Однажды я обнаружил, что последние две недели я все время работаю. Как так, я же лентяй. Эта история содержит важный жизненный урок. Нотации бессмысленны. Растущего человека воспитывает пример старших. Я тружусь на совсем иной ниве, но тружусь постоянно.

Бабушка моя родилась в XIX веке и представляла совсем иную эпоху. Как многие старые люди, она вспоминала что-то, рассказывала. Иногда в ее рассказах всплывал сосед, «посессор Терлецкий». Посессор — это всего лишь арендатор. Ничего особенного. Однако в мире 60-х в этом слышалось что-то марсианское.

Были у нее и другие филологические смещения. Иногда она меня убеждала: «Игорь, учись хорошо. Будешь плохо учиться — заберут в армию, и там тебе фельдфебель все почки отобьет».

В детстве-юности приметой весны на даче были майские жуки. Это такое крупное летающее насекомое, красно-бурого цвета. Они появлялись в мае и в полете громко жужжали. А потом как-то исчезли. Только через много лет я узнал, что майский жук живет в чистой экологической среде. Как я прочел, их добило массовое использование пестицидов. Все логично. Мы — выжили, жуки — погибли.

В последние годы в Интернете звучат сладкие воспоминания о советском мороженом. Про мороженое я ничего не помню. Я помню бублики. Настоящие, большие с особенной корочкой. Бублики можно было есть с чаем, кефиром и просто, в чистом виде. Бублики выпекались и продавались по всей Москве. Потом они стали исчезать. Дольше всего бублики продавали в Филипповской булочной (рядом с Елисейским) на улице Горького. Где-то в 70-е годы настоящие бублики исчезли. Позднесоветский пищевой отторг это производство.

Другое гастрономическое воспоминание составляют вафельные трубочки с заварным кремом. Это воспоминание раннего детства. Когда мы гуляли, эти трубочки иногда покупали мне бабушка или мама. Потом их не стало. А где-то на исходе перестройки я встретил трубочки у торговцев на Ленинградском вокзале. Однако трубочки заполнялись не заварным, а обычным сладким кремом. Никакой радости. Очень скоро и эти трубочки исчезли.

У меня двое детей. Младший сын вошел в мою жизнь на склоне лет. Признаюсь, мужчины над поздним ребенком трясутся. Я трачу на общение с ним массу времени. Как-

то, когда ему было лет 15—16, я сказал, что женщины часто глуповаты. На самом деле это большая и серьезная тема. Женщина обладает многими достоинствами, которых лишены мужчины. Но они, если угодно, центрируются на локальном мирке и не всегда схватывают более широкий контекст. Сын ответил: «Папа, ты расист». Так что ребенок у меня вполне политкорректный. В моей памяти две истории: одна связана с историей семьи, другую я услышал сам от пожилого, бывалого человека.

Начну с семейной. Наша семья после революции жила где-то на границе Казахстана и Китая. В ту пору дед был директором сельхозучилища. Пришла советская власть, и люди должны были определяться со своей судьбой. Сосед нашей семьи, купец, решил тихонько уехать в Китай. Его жена пошла по соседям прощаться. Естественно, кто-то из соседей быстро донес. К дому купца подъехали красноармейцы. Купец, недолго думая, перерезал себе горло. Вот такая история.

Другую я услышал на работе. После окончания института я работал в конторе, которая называлась ВНИИДМАШ. Там работали самые разные люди. В том числе был человек предпенсионного возраста. Имени его я не помню. Судьба этого человека была трагической. Его отец, большевик, был поставлен управлять кинопромышленностью. (Старшее поколение помнит слова Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино».) Ну и, как водится, отца однажды посадили и расстреляли, а через месяц посадили сына. Просидел он что-то невероятное. Выпускали, отправляли в ссылку, снова сажали. Под конец жизни этот человек работал в нашей конторе. Разумеется, мы, молодые, слушали его напряженно. Одна из историй мне запомнилась. Сидел он с бывшим военным моряком, который в 30-е годы жил в Ленинграде. И вот этот человек встречает на улице своего приятеля, флотского, который сейчас работает в ОГПУ. Тот ему говорит: «Слушай, мы с тобою не встречались. Но ты в ближайшее время уезжай из Питера куда-нибудь подальше, в глухую провинцию». Приходит герой нашей истории домой, рассказывает все жене. А она ему: «Куда мы поедем? Мы обустроились. У нас жилье, у тебя работа». Через два месяца его забрали. Был приказ сажать всех участников Кронштадтского восстания (1921). Такие истории не забываются.

А вот история из моего детства, в ту пору, когда я жил на Большой Якиманке. Надо сказать, что я с ранних лет не любил зиму и вообще холодные времена, а любил лето. И как-то весной во дворе нашего дома, когда тает снег и крошится лед, я стоял в компании сына нашего дворника. Он был младше меня. Ему было лет семь. И я говорю: «Вот было бы здорово взять ломик, лопаты и убрать весь снег со двора. Чтобы все стало чисто, как летом». А он мне отвечает: «А какая тебе от этого выгода? Вот у Сережки Кутлуева велосипед. А тебе-то зачем?»

Знаете, я не нашелся, что ему ответить. Ни в тот момент, ни потом. Мы представляли разные вселенные. Однажды я на минуту зашел в комнату, которую занимала семья дворника. Она находилась в полуподвале. Мне запомнился земляной пол. Скорее всего, он бы просто не понял моих разъяснений, посчитал их блажью.

Вообще же наши предпочтения и антипатии на первый взгляд могут показаться причудливыми. Но если разбираться и стремиться выявить причинную логику, что-то проясняется. Скажем, я не люблю ели, а люблю сосны. В подмосковных лесах сосен не так много. Я к ним тянулся, радовался встрече. А елка меня никак не греет. В равной степени меня оставляют равнодушным знаменитые российские березы. Другое дело дубы, платаны. Однажды все разрешилось достаточно просто. Мои предки веками жили в южных широтах. Да и сам я родился на Украине и в раннем детстве переехал в Москву. Когда я впервые попал в Турцию, пережил странное ощущение. Организм сигнализировал — это моя среда. Часть моих предков вышла из малоазийских греков. Другая ветвь украинская. Третья — европейская. Кстати, вы видели, какие в Турции прекрасные сосны, как они расцветают в Средиземноморье? Отсюда же моя тяга к брюнеткам и безразличие к блондинкам. Генетическая память.

Есть реалии прошлого, о которых масса людей давно забыла, а молодежь просто не знает. Я не о паровозах. Вот, к примеру, видели ли вы старый утюг? Не тот массивный, который нагревался в печке, а утюг полый, в который насыпали тлеющие угли. Потом его закрывали и использовали по назначению. А что такое керогаз? Чем он отличается от керосинки? Эти приметы прошлого когда-то окружали нас, и мы не задумывались о том, что однажды они уйдут. Большинство из сегодняшних людей видело патефон в кино и понятия не имеет, что в патефоне надо менять иголки, с помощью которых считывается звук пластинки.

Вспомнил о забавных реалиях прошлого: логарифмической линейке и арифмометре. Логарифмическая линейка — это такой простой прибор, состоящий из трех элементов: большой линейки (корпуса), внутри которой двигалась другая меньшего размера (движок), и металлической рамки со стеклом (бегунок). На движке и корпусе нанесены деления. На стекле бегунка — тонкая вертикальная линия, разделяющая его пополам. Линейка позволяла умножать, делить, возводить в степень. Пользоваться линейкой учили в старших классах школы, использовать ее приходилось студентам технических вузов. Так что это была реалья, знакомая всем, окончившим среднюю школу.

Другое дело — арифмометр. Этот прибор назывался «настолярной механической вычислительной машиной» (умножение, деление, сложение, вычитание). Арифмометры стояли во всех бухгалтериях и других подразделениях, предполагающих вычислительные процедуры. Для того чтобы он сработал, надо было установить требуемое число и повернуть ручку столько раз, на сколько вы умножаете/делите. Это было очень шумное занятие. В бухгалтериях работали по преимуществу женщины, которые крутили эту штуку. И мне их было жалко.

Я не могу сказать точно, когда логарифмические линейки и арифмометры ушли в прошлое. Скорее всего, их похоронили сотовые телефоны и гаджеты. С их помощью расчеты делаются быстро и бесшумно. Боюсь, что электроника заодно похоронила и таблицу умножения, которая в наших поколениях забивалась в голову мертвым. Такова диалектика технического прогресса.

А вот один эпизод из воспоминаний юности. Летом на даче я стою на участке и беседую с кем-то из моих приятелей, который зашел ко мне. Речь шла о чемпионате по футболу. Скажу прямо, я не болельщик, но чемпионат заканчивался, и тема эта висела в воздухе. На мой взгляд, победа должна была достаться команде Англии. В этой связи я громко произнес: «Англия». Тут моя бабушка, работавшая на участке метрах в пятнадцать, обращается ко мне: «Игорь, тихо!» Понимаете, нельзя громко произносить слово «Англия».

Моя ненависть к совласти базировалась на таких эпизодах. Я сталкивался с тем, как были изуродованы мои близкие, особенно женщины, как они тряслись, если я что-то говорил — у себя в доме, на нашем участке, — что, с их точки зрения, было крамолой. «Ть-ихо! Соседи услышат». Сегодня я все понимаю. Они десять лет несли на себе ярмо родственников врага народа, отправляли посылки на зону. Ждали. И дождались смертельно больного старика. Их жизненный опыт требовал остановить, предостеречь глупого мальчика. К счастью, мои дети этого уже не застали.

Иногда я вспоминаю Фридриха Горенштейна. Это великий, неочтенный писатель XX века. Он был другом моего друга, писателя и сценариста Анатолия Ромова. Это были люди на 10—12 лет старше меня. Люди состоявшиеся. А я был в лучшем случае подающим надежды молодым человеком. Естественно, я смотрел на них снизу вверх. Проза Горенштейна меня очаровала. В быту он был простой человек. В кругу общения Анатолия Ромова был и режиссер Илья Авербах. Это серьезный режиссер, делавший прекрасные фильмы: «Чужие письма», «Монолог». Правда, сегодня о нем практически не вспоминают. Но как человек он дистанцировался от простых смертных.

Прелесть Толи Ромова состояла в том, что он был лишен какой бы то ни было зависти. Толя часто повторял, что Фридрих — гениальный писатель. И это — чистая правда. Гениальный, но неоцененный.

В моем поколении было такое явление, как мыслитель Андрей Пелипенко. Относительно меня это был молодой человек. Я сам привел его в культурологию. Он умер в молодом возрасте, хотя и написал не так мало. Я отдал свою жизнь этой дисциплине и свидетельствую, что Андрей — гений. Однако неоцененный и малоизвестный. Интересный феномен — масштабные творцы, не получившие адекватного признания.

Хочу рассказать об одном процессе, который неведом средневзвешенному молодому горожанину. Если вам не доводилось видеть, как петуху отрубают голову — читайте. Сам акт банален и ничего неожиданного не несет. Запоминается то, что происходит после. Через пару секунд после обезглавливания петух несется куда-то вперед, вдаль. Однако пробежав с десятков метров, он падает, дергается и затихает.

Интересные вещи происходят в процессах восприятия произведений искусства. Так мне довелось в Мадриде увидеть знаменитое полотно Пабло Пикассо «Герника». Это известное произведение, знакомое каждому погруженному в культуру человеку по репродукциям. Однако само полотно произвело на меня особое впечатление. Я сразу задался вопросом: почему подлинник разительно отличается от репродукций по производимому эффекту? Часто репродукции проигрывают подлиннику в передаче красок. Выглядят беднее и примитивнее. Но «Герника» — кубистическое полотно, написанное в черно-белой гамме. Какого-то богатства палитры и тонкого письма здесь нет. На мой взгляд, художественный эффект «Герники» задается масштабом, размерами картины. Это полотно в 3,5 на 8 метров, занимающее отдельный зал. Оно больше человека, который оказывается перед этой картиной, в некотором смысле подавляет его. Мы знаем, что исходным импульсом к написанию полотна была бомбардировка Герники и ужасы гражданской войны в Испании. Художнику удалось выразить и передать свое отношение к происходящему на его родине.

Другая коллизия, возникшая от столкновения с произведением искусства, — полотно Эль Греко «Портрет идадьго». Надо сказать, что в нашей стране, насколько я знаю, есть всего одна работа Эль Греко — «Апостолы Петр и Павел» в Эрмитаже. Но однажды, где-то в 70-е годы, в Пушкинский музей привезли «Портрет идадьго» работы мастера. Я увидел это полотно и смотрел на него бесконечно. А потом приходил несколько раз, пока выставка не закрылась. Эль Греко написал человека, который познал трагедию бытия. Ничего похожего в живописи я не видел ни до, ни после. Любопытно, что сегодня в Интернете я не нахожу этого произведения. Но оно было и осталось во мне.

Было у меня еще одно заслуживающее пересказа эстетическое переживание. Где-то на исходе 70-х я оказался в городе Ханты-Мансийске в группе, экспонировавшей наши наработки. Нас поместили в местный «Музей природы и человека», и мы приходили туда, отвечали на вопросы посетителей. Работа нетрудная. В музее меня совершенно покорила шерстистый носорог. В одном из павильонов на небольшом возвышении стоит покрытый темной шерстью носорог. Жили эти травоядные в холодном климате. Вымерли 10–12 тысяч лет назад. Как пишут специалисты, вымирание связано с потеплением. Выглядел он внушительно. Я представил себе этого крупного зверя в холодном, безрадостном мире, который умел выживать, находить самку, рождать детей, противостоят бурям и снегопадам...

Интересные процессы происходили в 90-е годы в молодых семьях. Потерявшие работу и доходы мужчины впадали в депрессию, запивали. А их жены должны были кормить детей. Они бросали свою инженерскую работу, шли продавцами в киоски, торгующие всякой всячиной. Становились челночницами. Отправлялись в Турцию,

покупали там небольшую порцию товара и продавали у себя на месте в розницу. Через какое-то время их мужья также смирились с новой реальностью и шли в торговлю. Мир менялся. Внесем уточнение, описанное справедливо, скажем так, для интеллигентов первого поколения. Люди, выросшие в интеллигентской среде, держались за свой статус до последнего, искали другую работу, но за письменным столом.

Выбор был и для меня. Можно было стать политологом. В ту пору это были гарантированные деньги и приличный статус. Многие способные молодые люди, близкие мне по профессиональным интересам, именно так и поступали. Я остался верен своей профессии. За это платили чисто символические деньги, но таков был мой выбор, сделанный за десять лет до перестройки.

Хочу поведать один эпизод из первой половины 90-х. В ту пору я работал в одной организации, где нам платили зарплату с задержкой в семь месяцев. И вот иду я по Ильинке и вижу: женщина торгует бананами, человека три-четыре стоят в очереди. И так мне в этот момент захотелось банана, которого я несколько лет не ел. А банан стоил, по-моему, тысячу. У меня в кармане как раз была тысяча рублей. Я даже остановился, но потом подумал: нет, эти деньги необходимы для срочных и неотложных покупок, и пошел дальше. Это — 90-е. Как-то я спросил свою маму: «Мы сейчас голодаем?» А она отвечает: «Ну что ты, сынок. По-настоящему мы голодали во время войны. А то, что сейчас, — это плохая структура питания».

В советское время я подрабатывал тем, что готовил молодых людей к поступлению на гуманитарные факультеты. Преподавал историю. Учил я ребят по дореволюционному гимназическому учебнику академика Платонова. Забивал в них даты. Раскрывал логику событий. Мои ребята поступали на ура. А на следующий год срабатывала устная реклама, и ко мне приходили новые ребята. Но когда советская власть рухнула, молодые люди перестали поступать в вузы на гуманитарные факультеты. На инженерные, впрочем, тоже. Срочно, чтобы не сказать судорожно, во многих вузах открывались факультеты менеджмента и экономики. С начала 90-х резко возрастает спрос на преподавателей иностранных языков, прежде всего английского.

Во второй половине 90-х я познакомился с реальностью зарубежья. Первое, что бросалось в глаза бывшего советского человека, — практика улыбаться при встрече глазами с незнакомцем. Далее я вспоминаю, как водитель автобуса дальнего следования прячет наши чемоданы в глубь специального грузового отделения. При этом пассажиры не обращают на его действия внимания. Это в порядке вещей. Я же настораживаюсь и фиксирую, куда он поставил мой чемодан. Наконец, опыт общения показал, что английский — подлинный «лингва франка» в современном мире. Везде, от Испании до Болгарии (включая Турцию, Хорватию, Черногорию), торговцы, водители, работники отелей общаются с тобою на английском.

Хочу поделиться поучительным наблюдением. Как-то довольно рано я пришел на пляж в Турции. Народа еще не было. На пляже лежал мальчик лет девяти, торгующий какими-то пряностями, я видел его раньше. Мальчик читал книгу. Из любопытства я заглянул. То был учебник французского. Этот ребенок продавал свой товар и стремился говорить с людьми на их языке. Английский и немецкий он уже освоил. Разумеется, в объеме, необходимом для купли-продажи: Название товара, его достоинства, счет денег. А французский в его активе отсутствовал. Мальчик осваивал его на ходу. Как хотите, а рынок творит чудеса.

Что-то я все о себе да о себе. Вспомним моего деда Михаила Иосифовича. Он агроном по образованию. До революции агрономы были управляющими крупными именьями, выращивающими что-то на экспорт. Работа эта рождала широкие возможности хищений и быстрого обогащения. Кроме того, надо было жестко управлять работниками. Все это было чуждо и несимпатично моему деду. В 1907 году он перешел на госслужбу и переехал в Казахстан.

В ту эпоху агрономов было не слишком много. Для агронома было хорошим тоном ставить эксперименты и публиковать результаты. Семья наша жила в Бессарабии. Дед попробовал выращивать опийный мак и опубликовал об этом статью в агрономическом журнале. А когда началась Первая мировая, эту статью вспомнили. Опийный мак применялся в медицине. Полевая хирургия создала потребность в массовом производстве данного зелья. На моего деда возложили руководство производством мака. К тому времени наша семья жила в Казахстане, а дед работал директором сельхозучилища. Его назначили государственным управляющим этого производства. Мой дед курировал множество фермеров, выращивавших мак. Выдавал им вознаграждение, забирал плоды. Поскольку речь шла об очень крупных суммах и наркотике, деду придали сотню казаков, которые сопровождали его в поездках по районам, где выращивался мак.

Однако в июне 1916 года в Ходженте началось так называемое Среднеазиатское восстание (вооруженное выступление мусульманского населения против русских поселенцев и центральной власти). Мусульманские лидеры призвали к священной войне против «гяуров». Один из эпизодов этого восстания состоял в том, что в какой-то долине деда и сотню казаков, его охранявших, окружила тысяча восставших. А он как раз направлялся рассчитывать с фермерами. На руках у деда была очень крупная сумма. Дело было к ночи. Никаких гарантий в том, что утром их не сомнут, не было. Дед и командиры казаков составили акт об уничтожении всех денег и сожгли их на костре. А утром увидели, что восставшие за ночь ушли. Все обошлось. Но история на этом не кончается. Когда дед вернулся домой, бабушка взяла в стирку его одежду. Дело в том, что крупные купюры она зашила ему в нательную куртку, о которой дед просто позабыл. Она это обнаружила и спрашивает: «Миша, что делать с курткой?» А дед отвечает: «Кинь ее в печку», что бабушка и сделала. Вот так. Эти деньги были уже активированы как уничтоженные.

Следующая примечательная история с моим дедом происходила во время Второй мировой. После революции наша семья из Казахстана переехала на Украину, и так получилось, что регион, где они жили, оказался в румынской зоне оккупации. Когда было принято решение «об окончательном решении еврейского вопроса», немцы потребовали от румын участия в этом деле. Румыны местных евреев не трогали, но выселяли их из своей зоны. А там они попадали к немцам. Как я уже писал, дед был агроном, родившийся в Бессарабии. Румынский язык был для него родным. Его привлекли к работе в районной администрации. Михаил Иосифович объяснил румынскому руководству, что местные евреи работают на нужных местах и без них район просто не выполнит планы производства сельхозпродукции и всего остального. А в военное время за выполнение этих планов администрация отвечала головой. Его мнение сработало. И когда в 1944 году, после освобождения, деда посадили и шло следствие, местные евреи приходили в НКВД и свидетельствовали, что он спасал их от смерти.

Вспомнил забавную историю: В 1998 году после выхода нашей с Андреем Пелипенко книги мы получили от фонда Сороса гонорар, по тем временам приличный. И решили отдохнуть на море, и не просто на море, а в Испании. У Андрея был приятель-коммерсант, который купил себе полдома в кондоминиуме под Малагой на берегу Средиземного моря. Туда мы на три недели и отправились. Хозяев на месте не было. Мы брали на себя все функции и обязанности. На месте познакомимся со своими соседями. Молодая семья с малым ребенком. Мужчина преподавал кулинарию в каком-то учебном заведении, готовившем работников гостиничного бизнеса. А жена, скажем так, работала в детском саду. Симпатичные, доброжелательные ребята. Мне даже довелось поведать этому преподавателю два рецепта вареников (с творогом и с мясом).

В ходе этого возникла проблема: я не знал, как по-английски называется «сметана». Пришлось объяснять через технологию получения продукта. Оказалось sourcream. Итак, как-то вечером, прогуливаясь по поселку, я встретил семью наших знакомых. Мы разговорились. И тут их пятилетняя девочка расплакалась. В общем, понятно. Подошел какой-то незнакомый дядя. Родители заговорили с ним на непонятном языке. Остановились. Я обращаюсь к девочке: «Что же ты плачешь? Я о-очень хороший человек. И ничего плохого сделать не могу». И вот в таком духе, в мягкой, доброжелательной интонации произношу еще две-три фразы. Слышу — родители смеются. Я смотрю на них, а они говорят «relax». По-моему, это забавно. Девочка ни слова не понимала по-русски. Но существует экстралингвистический уровень общения. И он сработал.

Вообще говоря, 90-е годы были особенной эпохой. Привычный мир рухнул. Рождались новые реалии, утверждались практики. Простые люди обрели возможность покупать и продавать валюту. В советское время это был страшный криминал. Где-то к середине 90-х складывается практика летнего отдыха за границей. Прежде всего в Турции. Разумеется, это относилось к нарождающемуся среднему классу. У успешных людей появляются кнопочные мобильники. По всей Москве возникло множество рынков, на которых продавалось все на свете: вещи, одежда, продукты питания. На этих рынках крутилась масса людей. И продавцы, и покупатели, и жулики, и бандиты. Рынок был окном в новый мир.

Еще одна примета давно ушедшей эпохи: где-то в конце перестройки в московских кафе появились столики на улице, которые выставлялись и обслуживались в теплое время года. Ничего подобного с советскую эпоху не было. Мы этого не видели в окружавшей нас реальности, но видели в кино и знали, что «у них» это — общая практика. А теперь у нас почти как в Париже.

Да, в то же самое время вокруг нас на улицах городов появилось множество иномарок. Теперь это слово ушло из русского языка, а в советское время звучало для многих завораживающе. В начале 90-х оборотистые люди покупали автомобили в Европе, перегоняли их к себе на родину и там продавали. Очень скоро этим бизнесом занялись солидные фирмы, открыли салоны. Стали открываться частные магазины, торгующие всем на свете. Рынки потихоньку отходили на второй план. 90-е были временем очень подвижным.

Еще одно воспоминание из эпохи рубежа 80—90-х. Как-то я шел по улице. Дело было весной. И услышал из киоска, торгующего компакт-кассетами с записями (была в ту эпоху такая категория товаров), знакомый мне голос Луи Армстронга:

So the God said:
Go down, Moses
Way down in Egypt land
Tell old Pharaoh to
Let my people go!
So Moses went to Egypt land...
Let my people go!
He made old Pharaoh understand.
Let my people go!

У меня перехватило горло. Я любил джаз и знал Армстронга. Но «Go down, Moses» услышал впервые. Понятно, что для афроамериканцев этот библейский текст звучал специфически. Для нас, советских людей, он звучал не менее двусмысленно и призывно. Мы хорошо помнили капитана Карацулу и его верного пса Индуса, задержавшего

338 нарушителей нашей советской границы. В разваливающемся социалистическом бараке призыв «Let my people go» звучал фантастически.

В начале 2000-х я защитил обе диссертации и стал преподавать, чем занимаюсь до сих пор. Сказать, что моя работа мне нравится — ничего не сказать. Я не мыслю себя вне профессии и работы. Что у меня получается, могут судить мои студенты и читатели. Я же самоосуществляюсь и живу в своей профессии.

Есть такое слово «призвание». Исходный смысл этого понятия давно утрачен (спасибо советской власти). Призвание — Божественная воля и Промысел относительно конкретного человека. Каждый, кто уловил, осознал свое призвание и сделал его делом всей жизни — счастлив. Во всяком случае, счастлив в этом аспекте своего бытия.

Последнее время меня мучает память, которая включает советские песни, звучавшие 40—50 лет назад. Советские песни были разные. Случались удачные, лирические: «Подмосковный городок», «Одинокая бродит гармонь». Однако они звучали не слишком часто. Постоянно долбила агитпроповская лира: «Главное, ребята, сердцем не стареть», «Едем мы, друзья, в дальние края, / Станем новоселами и ты, и я». Дело в следующем: в 1954 году началось «освоение целинных и залежных земель». Городское население увеличивалось, и советское сельское хозяйство оказалось не в состоянии прокормить растущее население. Колхозы и совхозы в принципе были не способны к наращиванию урожая.

А с середины 70-х годов начинается «Байкало-Амурская магистраль». Это старый проект, к которому вернулись в брежневскую эпоху (1974—1984). Большая часть дороги шла в зоне вечной мерзлоты. В Забайкалье геологи нашли массу полезных ископаемых: олово, золото, нефть, молибден и т. д. Дорога была просто необходима.

Как вы понимаете, оба этих проекта требовали серьезных людских ресурсов. Дорогу еще могут строить зэки, а поднимать целину и создавать современное сельское хозяйство да и современное производство — тут нужны добровольцы. Государство включало самые разные механизмы привлечения людей. В этом ансамбле огромную роль играла пропаганда. Если начальников посылали в рамках партийной дисциплины, то низовой состав надо было чем-то привлекать. Пропаганда, газеты и телевидение, радио постоянно крутились вокруг данной темы. Романтика, дальние края, верные товарищи. Все это лезло из каждого утюга. Причем песни были самым верным и часто используемым средством.

Целина, строительство дороги, профессия геолога — все это прекрасно ложится в романтический контекст. «Мама, не скучай, / Слез не проливай, / Справить новоселье / Поскорее приезжай. / Едем мы, друзья, / В дальние края, / Станем новоселами / И ты, и я». «А ты пиши мне письма мелким почерком, / Поскольку места мало в рюкзаке».

Текст этих песен и музыку к ним писали поэты и композиторы, жившие в Москве и Ленинграде в хороших «сталинках». Их исполняли лидеры советской эстрады, одевавшиеся в магазинах «Березка». Иногда эти люди летали в Алма-Ату и другие центры регионов, славившие людей, отдавших свою жизнь в ответ на призыв партии и правительства, и возвращались к себе в столицы.

Единственная фольклорная реплика на описанные события, оставшаяся в моей памяти, звучит: «Приезжай ко мне на БАМ, я тебе на рельсах дам». И вот сейчас, по прошествии многих десятилетий, куски из этих песен всплывают в моей памяти и крутятся, крутятся.

Вообще говоря, советские песни — особая сказка, заслуживающая самостоятельного исследования. Здесь социальный заказ постоянно борется с неким эмоциональным содержанием, которое может каким-то образом притянуть к себе слушателя. Без этого песня не состоится. Сюжетные линии были строго очерчены: любовь к родине, верность партии и учению, песни о дружественных странах и народах, детские песни,

родной завод, родной колхоз, армия, борьба за мир и т. д. Все они формировали «нашего», советского человека.

«Летят перелетные птицы / В осенней дали голубой, / Летят они в дальние страны, / А я остаюсь с тобой. / А я остаюсь с тобою, / Родная навеки страна. / Не нужен мне берег турецкий, / И Африка мне не нужна» (Исаковский).

В Африке я не был. А вот турецкий берег хорошо помню. Это прекрасные места. Там можно отдохнуть в одиночку, с друзьями, с любимой женщиной и возвращаться, возвращаться.

Масса песен о «братских народах» и братских странах. «Русский с китайцем — братья навек. / Крепнет единство народов и рас. / Плечи расправил простой человек. / Сталин и Мао слушают нас» (Мурадели, Вершинин).

А вот песня про, казалось бы, неожиданную Индонезию: «Морями теплыми омытая, / Лесами древними покрытая, / Страна родная Индонезия, / В сердцах любовь к тебе храним» (В. Корчагин).

Братские страны прекрасны, но прежде всего — наша Родина.

«Когда взойдешь на ленинские горы, / Захватит дух от гордой высоты: / Во всей красе предстанет нашим взорам / Великий город сбывшейся мечты. / Вдали огни сияют золотые, / Шумит над нами юная листва. / Надежда мира, сердце всей России — / Москва-столица, моя Москва» (Е. Долматовский).

Надо сказать, что поэтически этот текст вполне приличный. Что не отнимает его политической заданности.

А вот программная песня «Партия — наш рулевой»: «Под солнцем Родины мы крепнем год от года, / Мы делу Ленина и Сталина верны. / Зовет на подвиги советские народы / Коммунистическая партия страны!» (С. Михалков, В. Мурадели).

А вот «заводская проходная»:

Когда на улице Заречной
В домах погашены огни,
Горят маргеновские печи,
И день и ночь горят они.
Я не хочу судьбу иную,
Мне ни на что не променять
Ту заводскую проходную,
Что в люди вывела меня.

(«Когда весна придет, не знаю».

А. Фатьянов)

Отдельная тема — борьба за мир и подлинное миролюбие «нашего человека».

Мы за мир! И песню эту
Понесем, друзья, по свету.
Пусть она в сердцах людей звучит:
Смелей! Вперед! За мир!
Не бывать войне-пожару,
Не пылать земному шару!
Наша воля тверже, чем гранит.

(А. Жаров, С. Туликов)

Эта песня 1947 года. Тот случай, когда казенная интенция полностью совпадала с запросом простого человека. Присказка «лишь бы не было войны» дожила до 2000-х.

Идея мировой революции провалилась. Построение коммунизма в отдельно взятой стране. После 1945-го советская армия действовала множество раз: Берлин — май 1953-го, Венгрия — 1956, Чехословакия — 1968, Афганистан — 1968—1979. Но эти эпизоды не мешали массовому советскому человеку помнить, что «мы — за мир».

Если бы парни всей земли
Вместе собраться однажды могли,
Вот было б весело в компании такой,
И до грядущего подать рукой
Парни, парни, это в наших силах —
Землю от пожара уберечь.
Мы за мир, за дружбу, за улыбки милых,
За сердечность встреч.

Долматовский

Народный юмор на темы войны был горьким. Вспоминаются два примера. Первый: войны не будет. Будет такая борьба за мир, что камня на камне не останется. Второй: что делать, если в трехстах метрах от вас взорвалась атомная бомба? Одеться во все белое и медленно ползти на кладбище. Почему медленно? Чтобы не создавать паники.

Иллюзиями массовое сознание не страдало.

Сегодняшние молодые люди рождались и росли вне описанного потока, который с шести утра и до часу ночи звучал в системе радиовещания, на радио, в телевизоре. Мы старались всего этого не замечать, но это было невозможно. Музыкальная агитка пропитывала вся и всё, оставалась в подкорке мозга. Альтернативы не было.

Поколение моих старших братьев (речь идет о жителях столиц и миллионников) помнят такой феномен, как «рок на костях». Так назывались приспособленные к проигрыванию на патефоне записи, сделанные на рентгеновских снимках (3—5 минут). Потом появились бытовые магнитофоны, и советский обыватель обрел некоторую свободу выбора. Все эти радости тоже касались крупных городов и не затрагивали «глубинки».

Появились музыкальные группы, играющие джаз. В вязкой советской бодяге это было революционным свершением. Быстро родилась присказка: «Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст». И то верно: если уж ты по доброй воле смог играть джаз, то продать родину как два пальца обоссать. Но эта присказка не срабатывала. Социальный запрос побеждал. В ресторанах, парках, на танцплощадках играли группы, которые отвечали на запрос аудитории. Бодяга отступала, но отступала с боями.

Узкие брюки, американские джинсы, элегантные рубашки клеймили и маркировали «не нашего» человека. Свидетельствую: в 70-е годы стоимость американских джинсов равнялась в Москве месячной зарплате выпускника инженерного факультета.

А потом начались серьезные перемены в политической и общественной жизни, которые свели всю описанную бодягу на нет.

Осталась память, которая иногда мучает пожилого человека.